

Книга мемуаров В.К. Рокоссовского "Солдатский долг" появилась в 1968 году с многочисленными купюрами. Были вычеркнуты те страницы, где Маршал разбирает просчеты высшего военного руководства по подготовке к войне и организации оборонительных операций. Его позиция никак не согласовалась с принятой со времен Хрущева линией — всю вину за неудачи валить на Сталина.

Про трусов и изменников тоже убрали — ведь их объявили "жертвами сталинских репрессий" (в том числе и расстрелянного за предательство сына Н.С. Хрущева).

Ниже публикуется часть вычеркнутого.

Служба в Красной Армии, в войсках, располагавшихся в приграничных районах, многому меня научила. Во всяком случае, имел полное представление обо всех мероприятиях, проводимых в войсках, в задачу которых входило обеспечение (прикрытие) разрывания главных сил на случай войны. Боевая готовность этих войск всегда определялась не днями, а часами.

Для приграничных районов существовал и особый режим, ограничивавший посещение этих районов не проживавшими здесь лицами.

В приграничном районе КОВО¹ в то время происходили невероятные вещи. Через границу проходили граждане туда и обратно. К нам шли желающие перейти на жительство в СССР. От нас уходили не желающие оставаться в пределах Советского Союза. Правда, для прохождения через границу были определены пропускные пункты, но передвижение в приграничной полосе таило в себе много неприятностей для нас.

В этой же полосе свободно разъезжали на автомашинах переодетые в штатскую одежду немецкие офицеры, получившие разрешение нашего правительства на розыск и эксгумацию захороненных якобы здесь немецких военнослужащих.

Нередки были случаи пролетов немецких самолетов. Стрелять по ним было категорически воспрещено. Характерным был случай, происшедший во время полевой поездки. В районе Ровно произвел вынужденную посадку немецкий самолет, который был задержан располагавшимся вблизи нашими солдатами. В самолете оказались четыре немецких офицера в кожаных пальто (без воинских знаков). Самолет был оборудован новейшей фотоаппаратурой, уничтожить которую немцам не удалось (не успели). На пленках были засняты мосты и железнодорожные узлы на киевском направлении.

Обо всем этом было сообщено в Москву. Каким же было наше удивление, когда мы узнали, что распоряжением, последовавшим из Наркомата обороны², самолет с этим экипажем приказано было немедленно отпустить в сопровождении (до границы) двух наших истребителей. Вот так реагировал центр на явно враждебные действия немцев.

Довольно внимательно изучая характер действий немецких войск в операциях в Польше и во Франции, я не мог разобраться, каков план действий наших войск в данной обстановке на случай нападения немцев.

Судя по сосредоточению нашей авиации на передовых аэродромах и расположению складов центрального значения в прифронтовой полосе, это походило на подготовку прыжка вперед, а расположение войск и мероприятия, проводимые в войсках, этому не соответствовали.

Даже тогда, когда немцы приступили к сосредоточению своих войск вблизи нашей границы, перебрасывая их с запада, о чем не могли не знать Генеральный штаб и командование КОВО, никаких изменений у нас не произошло. Атмосфера непонятной успокоенности продолжала господствовать в войсках округа...

Стало известно о том, что штаб КОВО начал перидислокацию из Киева в Тернополь. Чем это было вызвано, никто нас не информировал. Вообще, должен еще раз повторить, царил какое-то затишье и никакой информации не поступало сверху. Наша печать и радио передавали тоже только успокаивающие сообщения.

Во всяком случае, если какой-то план и имелся, то он явно не соответствовал сложившейся к началу войны обстановке, что и повлекло за собой тяжелое поражение наших войск в начальный период войны.

Около четырех часов утра 22 июня дежурным по штабу мне была вручена телефонограмма из штаба 5-й армии с распоряжением о вскрытии особо секретного оперативного пакета, хранившегося в штабе корпуса. В пакете имелась директива, в которой указывалась о немедленном приведении корпуса в боевую готовность и выступлении в направлении Ровно, Луцк и далее.

К началу войны наш корпус был укомплектован людским составом почти полностью, но не обеспечен основной материальной частью: танками и мототранспортом. Обеспеченность этой техникой не превышала 30 процентов положенного по штату количества. Техника была изношена и для длительных действий непригодна. Проще говоря, корпус как механизированное соединение для боевых действий при таком состоянии был небоеспособным. Об этом не могли не знать как штаб КОВО, так и Генеральный штаб³.

Неясность обстановки заставила нас в соответствии с положением о походном движении в предвидении возможной встречи с противником организовать

разведку и охранение. Вызывало недоумение то обстоятельство, что в воздухе с момента объявления тревоги и на походе мы не видели нашей авиации, в то время как немецкая появлялась довольно часто. Преимущественно это были бомбардировщики, проходившие над нами на большой высоте и без сопровождения истребителей.

О причинах этого мы вскоре узнали при виде разбитых и сожженных немецкой авиацией наших самолетов, так неразумно сосредоточенных на аэродромах, расположенных в приграничной полосе.

* * *

Всем памятна действия русских войск под командованием таких полководцев, как Барклай-де-Толли и Кутузов, в 1812 году. А ведь как один, так и другой тоже могли дать приказ войскам "стоять на смерть" (что особенно привилось у нас и чем стали хвастаться некоторые полководцы!). Но этого они не сделали, и не потому, что сомневались в стойкости вверенных им войск. Нет, не потому. В людях они были уверены. Все дело в том, что они мудро учитывали неравенство сторон и понимали: умирать если и надо, то с толком. Главное же — подравнять силы и создать более выгодное положение. Поэтому, не ввязываясь в решительное сражение, отводили войска в глубь страны.

Сражение у Бородино, данное Кутузовым, явилось пробой: не пора ли нанести врагу решительный удар? Но, убедившись в том, что противник еще крепок и

группа офицеров на автомашинах, радиостанция и две автомашины с счетверенными пулеметами и личным составом.

К вечеру наша маленькая группа прибыла на КП фронта и я представился командующему С.К. Тимошенко, которого знал раньше. В 1930—1931 годах он был командиром 3-го кавалерийского корпуса, в котором я командовал 7-й Самарской имени английского пролетариата дивизией. Встреча наша получилась теплой и сердечной. В ней не чувствовалось разницы в занимаемом положении. Семен Константинович не проявил никакого напускного величия, а сохранял простоту в обращении и товарищескую доступность, как в те времена, когда являлся комком. Должен сказать, что он у всех нас, конников, пользовался не только уважением, но и любовью.

Ознакомившись с обстановкой по данным, имевшимся на это время в штабе фронта, я убедился: здесь ни у кого нет уверенности в том, что эти данные соответствуют действительности. С некоторыми армиями в частности с 19-й и 22-й, связь нарушилась, и положение их оставалось неизвестным. Имелось, к примеру, непроверенные сведения о высадке крупного воздушного десанта в районе Ярцево, но если бы они и подтвердились, то оставалось неясным, прикрито ли кем-либо ярцевское направление. Поступили также разрозненные и нечеткие сообщения о появлении в районе Ельни каких-то крупных танковых частей противника.

Получив дополнительные указания от командую-

что имевшихся к этому времени собственных сил недостаточно для подобной схватки, Кутузов принял решение на отход с оставлением даже Москвы.

В течение первых дней Великой Отечественной войны определилось, что приграничное сражение нами проиграно. Остановить противника представлялось возможным лишь где-то в глубине, сосредоточив для этого необходимые силы путем отвода соединений, сохранивших свою боеспособность или еще не участвовавших в сражении, а также подходивших из глубины по плану развертывания.

Войскам, ввязавшимся в бой с наседавшим противником, следовало поставить задачу: применяя подвижную оборону, отходить под давлением врага от рубежа к рубежу, замедляя этим его продвижение. Такое решение соответствовало бы сложившейся обстановке на фронте. **И если бы оно было принято Генеральным штабом и командующими фронтами, то совершенно иначе протекала бы война и мы бы избежали тех огромных потерь, людских, материальных, которые понесли в начальный период фашистской агрессии.**

Прибыв в Москву, я был направлен в распоряжение командующего Западным фронтом Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, командный пункт которого перебрался из-под Смоленска в Касню. Туда я и направился.

Как на юго-западном направлении, так и на западном ни Генеральный штаб, ни командование Западного особого военного округа (ЗОВО; до июля 1940 г. Белорусский ОВО) не приняли кардинальных решений, диктуемых обстановкой с первого же дня войны для улучшения создавшегося крайне невыгодного положения, в котором оказались наши войска. Но так как в ЗОВО войска оказались к началу войны меньше, чем в КОВО, то и противнику удалось сразу продвинуться на большую глубину, чем на Юго-Западном фронте.

На меня возлагалась задача прикрыть смоленское направление и не допустить продвижения противника в сторону Вязьмы.

На мой вопрос, какие войска и откуда будут выделены для выполнения этой задачи, я получил ответ, что пока войска будут те, которые мне следует задерживать и подчинять себе, начиная по дороге от Москвы до Ярцево.

Более конкретные указания мне следовало получить у командующего фронтом. В мое распоряжение Генштабом была выделена

щего фронтом, чтобы задерживать всех, кто будет под любыми предлогами отходить на восток, и подчинять себе любые части и соединения, которые могут оказаться на ярцевском направлении, а также организовать оборону этого рубежа, я в ту же ночь выехал в Ярцево. По пути подбирали всех, кто мог быть использован для организации противодействия врагу.

Итак, с этого момента началась формирование в районе Ярцево объединения, получившего официальное название — группа войск генерала Рокоссовского. Пополнялось оно также за счет накапливавшихся на сборном пункте бойцов, отставших от своих частей, вышедших из окружения. К сожалению, последние, вернее большинство из них, приходили без оружия, и нам с большим трудом удавалось вооружать их. Причем делать это приходилось во время боев, не прекращавшихся ни днем, ни ночью. Люди познавали друг друга, можно сказать, сразу же в горячем деле.

В те дни текучесть личного состава была огромной.

В непрерывных боях со все усиливающимся на ярцевском направлении противником было много случаев проявления героизма как со стороны отдельных лиц (красноармейцев, офицеров), так и подразделений и частей.

К великому прискорбию, о чем я не имею права умалчивать, встречалось немало фактов проявления военнослужащими трусости, паникерства, дезертирства и членовредительства с целью уклониться от боя.

Вначале появились так называемые "леворучники", простреливавшие себе ладонь левой руки или отстреливавшие на ней палец, несколько пальцев. Когда на это обратили внимание, то стали появляться "праворучники", проделывавшие то же самое, но уже с правой рукой.

Случалось членовредительство по сговору: двое взаимно простреливали друг другу руки.

Тогда же вышел закон, предусматривавший применение высшей меры (расстрел) за дезертирство, уклонение от боя, "самострел", неподчинение начальнику в боевой обстановке. Интересы Родины были превыше всего, и во имя их требовалось применение самых суровых мер, а всякое послабление шкурникам становилось не только излишним, но и вредным.

Вскоре наша группа слилась с 16-й армией, при-

¹ Киевский особый военный округ. В 1940 года им командовал Г.К. Жуков.

² Наркомом обороны был С.К. Тимошенко.

³ Начальниками Генштаба были в 1937—40 гг. Б.М. Шапошников, в 1940 году К.А. Мерецков, с января по июль 1941 года — Г.К. Жуков.